

дах торговля бизоньими кожами давала больше 1 млн. долл. прибыли в год, в то время как вся американская промышленность приносила 4 млрд. долл., а национальный импорт составлял 250 млн. долл.¹⁴ По тем временам пушная торговля, а также торговля бизоньими кожами, занимала видное место в экономике США.

Работа чейенов в фермерских хозяйствах представляет еще один пример экономического принуждения и эксплуатации труда. Перед нами тонкий механизм, с помощью которого фермеры получают работников в самое горячее время — в сезон уборки урожая. Фермеры и чиновники Бюро по делам индейцев — нередко в одном лице — действуют заодно, позволяя индейцам выжить за счет общественных денег, но не выпуская их из поля действия системы эксплуатации. И хотя чейены не мигрируют для сезонной работы, подобно латиноамериканцам в Техасе и Флориде, их вклад в развитие экономики не менее важен.

Тот же фактор оседлости индейской рабочей силы лежит в основе производства мокасин. Торговцы устанавливают сеть постоянных связей с индейцами, поставляющими обувь, платя им по низким расценкам и получая максимальную прибыль.

Как мы видели, масштабы участия чейенов в развитии экономики опровергают миф о «ленивом» индейце. Причем в наших примерах мы имели возможность произвести приблизительную оценку произведенной чейенами стоимости. Работа чейенов в городах (Тулса, Оклахома-Сити и Даллас) труднее поддается учету. Молодые индейцы едут в города и в сезон сельскохозяйственных работ. Но там не ведется никакого учета их труда, поскольку большинство индейцев работает здесь временно.

К сожалению, приходится признать, что миф о «ленивом» индейце продолжает жить. Причина заключается прежде всего в том, что он удобен для белого большинства. В данной статье я попытался представить некоторые объективные количественные данные о том, как много работали индейцы и что они сделали для блага своей страны.

¹⁴ Simonds J. C. and McEnnis J. T. Op. cit. P. 695, 703.

В. А. Башилов, К. А. Родригес ДОИСПАНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ КОЛУМБИИ

В 30-х годах XVI в. испанские конкистадоры вторглись на территорию Западной Колумбии. Они шли различными путями — с юга, через плоскогорье Попаян (С. Белалькасар), с севера, по тихоокеанскому побережью (П. Давила) и по долине р. Каука (Х. Робледо, Х. Вадильо). В хрониках, повествующих об этих походах, много места уделяется рассказам о населявших эти земли племенах аборигенов, их занятиях, быте и обычаях.

Среди этих сведений определенное место занимают описания индейских поселений. При этом описываются дома, принадлежавшие вождям и касикам. Однако эти описания дают весьма смутное представление об их конструкции. Постоянно подчеркивается, что они были большими и круглыми¹. Материалом для постройки служили стволы местных деревьев, скорее всего бамбука². Из них делались как вертикальные столбы и балки перекрытия, поддерживавшие крышу из соломы³, так, видимо, и обшивка стен.

¹ Cieza de León P. La crónica del Perú//Colección austral. № 507, Madrid, 1962. XVIII, P. 75, XXI, P. 80; XXVI, P. 94; Robledo J. Descripción de los pueblos de la provincia de Ancerma/Jijon y Caamaño J. Sebastián de Belalcázar. Quito, 1936. T. 2. P. 72.

² Robledo J. Op. cit. P. 73.

³ Cieza de León P. Op. cit. XVIII, P. 75.

«Поскольку дома большие и хорошо сделаны,— пишет Х. Робледо,— в каждом доме живут десять мужчин с женами и детьми и у каждого есть свое место, где он спит»⁴. Таким образом, в большом доме касика обитало не менее 30 человек. Однако П. Сьеса де Леон, описывая быт индейцев Западной Кордильеры в районе г. Кали, указывает, что «у них небольшие дома с крышей из листьев пальм, которых много в горах...»⁵. Вполне вероятно, что размеры дома были прямо связаны с имущественным и общественным положением его обитателей.

Говоря о жилищах индейцев, живущих в горах Западной Колумбии, П. Сьеса де Леон упоминает об одной довольно странной особенности их конструкции: «Народы гор... имеют дома... на больших, высоких деревьях, наподобие чердака...»⁶. И в другом месте, описывая горцев, обитающих в районе р. Сан-Хуан, он пишет, что они «имеют дома, сооруженные на деревьях»⁷. Эти сведения плохо согласуются со значительными размерами жилищ, указанными в письменных источниках.

Колумбийский историк К. Ромоли высказала в этой связи интересное предположение о том, что здесь имеются в виду дома, стоявшие на столбах. При этом она исходила из данных о «барбакоа» — жилищах населения тихоокеанского побережья, поднятых над землей для защиты от наводнений и одновременно для придания им большей антисейсмичности в этом, одном из самых дождливых и сейсмоопасных районов мира⁸.

Археологические раскопки, проведенные нами в Западной Кордильере в 1983 г.⁹, позволили получить ряд интересных данных о конструкции рядового жилища доиспанского времени. Они хорошо согласуются с данными письменных источников и позволяют пролить свет на некоторые еще неясные детали. Объектом исследований было поселение на горе Кабо-де-ла-Вела¹⁰, доминирующей над долиной Хигуалес, отходящей от долины р. Калима, широко известной богатством своих археологических памятников.

Кабо-де-ла-Вела представляло собой поселение с центром на вершине горы, где находится круглая искусственная площадка. По склонам горы были вырыты 24 платформы — «тамбо». В древности на них стояли жилища. Самое большое тамбо находилось вблизи вершины, на пологом западном склоне, обращенном к долине Хигуалес, и заметно отличалось по размерам от остальных. Оно имело около 25 м в длину и 15 м в ширину. По своему положению и величине это тамбо вполне сопоставимо с описаниями домов касиков в письменных источниках.

Для раскопок было выбрано тамбо небольших размеров (№ 4), в восточном склоне горы (рис. 1). Длина с севера на юг 7,5 м, ширина площадки 3,5—4,0 м. Протяженность западной стены 5,0 м, в центральной части она вертикальна и достигает 0,5 м в высоту. К северу и югу стенка понижается, а затем и поворачивает под тупым углом на северо-и юго-восток. Здесь стенки более отлоги и постепенно сходят на нет.

Площадка тамбо почти горизонтальна. Лишь к востоку она понижается. На площадке под 10-сантиметровым дерновым слоем лежал черный культурный слой мощностью от 20 до 50 см. Он состоял, видимо, из собственно культурного слоя в нижней части толщи и черной земли, намытой со склона, у задней стенки тамбо. Под черным слоем находился тонкий (3—5 см) перемешанный слой, условно названный нами «желтым

⁴ Robledo J. Op. cit. P. 72.

⁵ Cieza de León P. Op. cit. XXIX. P. 100.

⁶ Ibid. XXVI. P. 93.

⁷ Ibid. XXIX. P. 102.

⁸ Romoli K. Apuntes sobre los pueblos autóctones del litoral colombiano del Pacífico en la época de la conquista española//Revista colombiana de antropología. Bogotá, 1963. V. XII. P. 283.

⁹ Работы проводились Институтом археологии АН СССР и Вальекауканским институтом научных исследований (г. Кали, Колумбия). Советская сторона была представлена В. А. Башиловым, колумбийская — К. А. Родригесом и Э. Сальгадо Лопесом. В работе принимали участие О. Осорни Гонсалес и Х. Гутьеррес.

¹⁰ Башилов В. А. Советско-колумбийские археологические исследования в долине р. Калима//Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

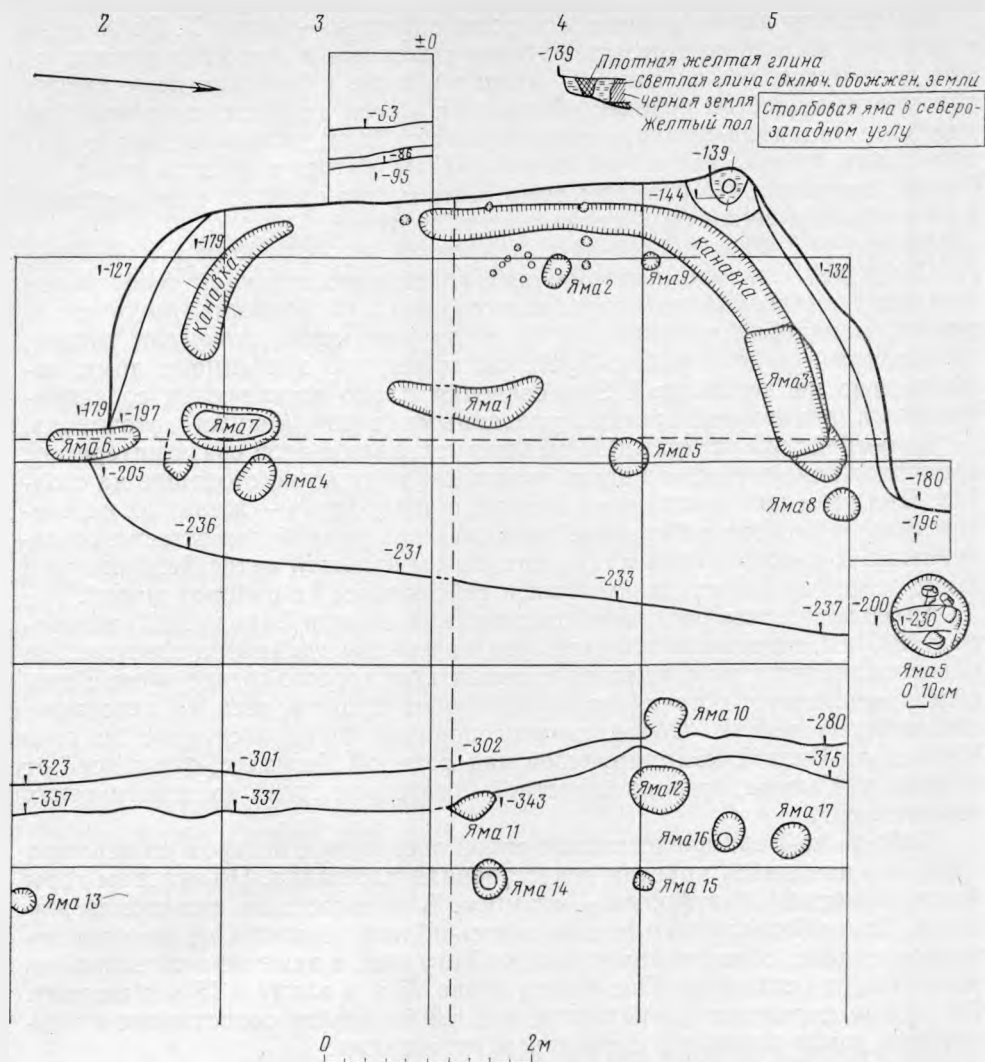

Рис. 1. Общий план тамбо № 4

полом». Он лежал непосредственно на материке и может быть интерпретирован как «жилая поверхность», нанесенная людьми в период строительства тамбо. «Желтый пол» немного выходил за пределы тамбо.

Ниже по склону под черным слоем обнаружен бугор желтой материковой земли с заметной примесью черного гумуса. Эта земля несколько мягче, рыхлее лежащего ниже материка. Граница между ними хорошо видна. Бугор был перекрыт «желтым полом» в верхней части и имел довольно крутой нижний край высотой 30—40 см. Такая форма обычно не наблюдается на естественных склонах. Все это заставляет нас считать, что он имел искусственное происхождение и представлял собой землю, выкинутую с площадки тамбо при его сооружении. Еще ниже по склону, между дерном и черным слоем, залегала «линза» коричневатой земли с включением комочков желтой материковой глины. Мы связываем этот слой с перестройкой на тамбо № 4¹¹.

¹¹ Колумбийские археологи Л. Эррера и Э. Сальгадо Лопес (коллеги по раскопкам) связывают с существованием тамбо только этот коричневатый слой. Подстилающий его черный слой рассматривается ими как погребенная почва, а бугор выброса — как настоящий материк. Если принять такую интерпретацию, то непонятно, куда делся довольно значительный объем земли, вынутой при сооружении тамбо. Трудно объяснить также и мешаный характер глины в бугре и его отличие по твердости от материка.

Вдоль западной стенки тамбо дугой шла канавка, прослеженная на уровне материка в виде темных продолговатых пятен в южной и в виде длинной темной полосы в северной части площадки. В ее заполнении найдены камни и обломки керамики. Ширина канавки 30—40 см, глубина 4—5 см от уровня материка.

По оси площадки на расстоянии 3,5 м друг от друга располагались две глубокие ямы — № 4 и 5. Яма № 4 имела около 40 см в диаметре и 70 см в глубину. В ее заполнении найдены четыре обломка керамики. Яма № 5 того же диаметра достигала глубины 90 см. На глубине около 40 см в ней найдено скопление камней до 35 см длиной и обломков стенок сосудов. По всей вероятности, в этих ямках находились столбы, один из которых был заклинен камнями. По взаимоположению на площадке можно предполагать, что они были связаны с единой планировкой сооружения, стоявшего на тамбо.

С северной стороны канавку у стены тамбо прорезала большая прямоугольная яма № 3. Ее глубина в среднем 70 см. Стенки, кроме северо-западной, которая обвалилась, почти отвесны. В яме найдено несколько обломков керамики.

С южной стороны канавку прорезала яма № 7. Она имела странную «бобовидную» форму, плоское дно и скошенные стенки. Длина ее около 1 м, ширина 40 см, глубина около 30 см. Яма такой же формы, но несколько меньше — № 6 обнаружена у окончания юго-западной стенки тамбо. В ней найдена антропоморфная подвеска. Третья «бобовидная» яма — № 1 находилась в центре площадки. Она самая большая из трех. Длина ее почти 1,5 м. Один конец ямы был несколько вытянут в северо-западном направлении. Эти три ямы, расположенные на одной линии, близки типологически и скорее всего были функционально связаны между собой. То, что одна из них перерезала канавку, а другая — линию южной стены тамбо, заставляет отнести их, как и яму № 3, ко второму этапу застройки площадки.

Северо-западный угол тамбо в отличие от плавно изгибающегося юго-западного представляет собой почти треугольный вырез в материке, выходящий за линию западной стены. В этом углу на уровне верха черного слоя было замечено круглое пятно светлой земли с включениями кусочков обожженной глины. В центре его находилось другое пятно, включающее плотную светлую глину. Разрез показал, что скорее всего мы имеем здесь дело с ямой от углового столба, опиравшегося на материковый останец. Уровень, с которого прослежена эта яма, а также искусственный характер выреза угла тамбо заставляют думать, что и этот объект относится ко второму этапу застройки.

На площадке тамбо находятся еще несколько объектов, не имеющих прямой связи с тем или иным из выделенных этапов застройки. Это, например, круглая яма № 8, расположенная у окончания северо-западной стены тамбо. Другая круглая яма (№ 9) находится у изгиба канавки, в глубине северной части площадки. В центральной ее части, также в непосредственной близости от канавки, обнаружено плоское углубление (яма № 2) и скопление маленьких ямок (10—15 см глубиной), видимо от кольев. Три из них, наиболее крупные, с плоским или сферическим дном, расположены в ряд вдоль западной стенки тамбо. Две из них были врезаны в край канавки. Они могли относиться как к первому этапу, так и ко второму.

Перед нижним краем бугра выброса находится ряд ям. Некоторые из них, вероятно, были связаны с постройкой, существовавшей на тамбо. Это относится прежде всего к трем ямам (№ 13, 14, 15), идущим в ряд и расположенным параллельно продольной оси площадки тамбо. Это небольшие ямы, которые могли быть основанием столбов, хотя они и неглубоки. Яма № 15 находится на одной линии со столбовой ямой № 5 на площадке. На этой же линии находятся еще две ямы — № 12 и 10, последняя врезана в верх материкового выкида. Ямы 16 и 17 не следует рассматривать как столбовые, так же как и яму № 11, представлявшую собой углубление неправильной формы у края выкида.

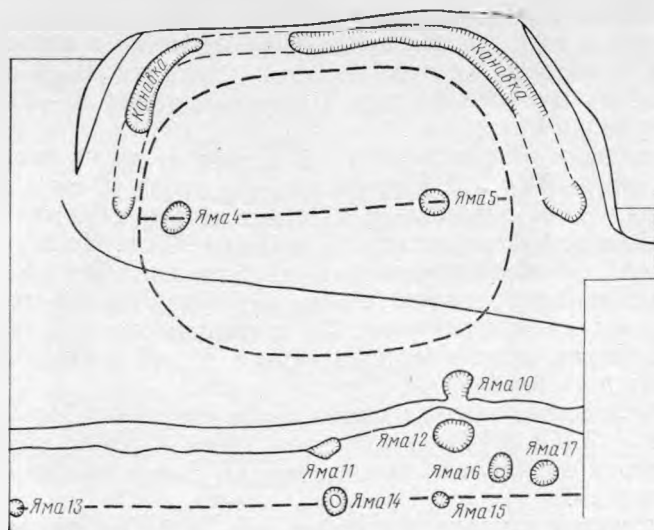

Рис. 2. Реконструкция плана постройки I этапа на тамбо № 4

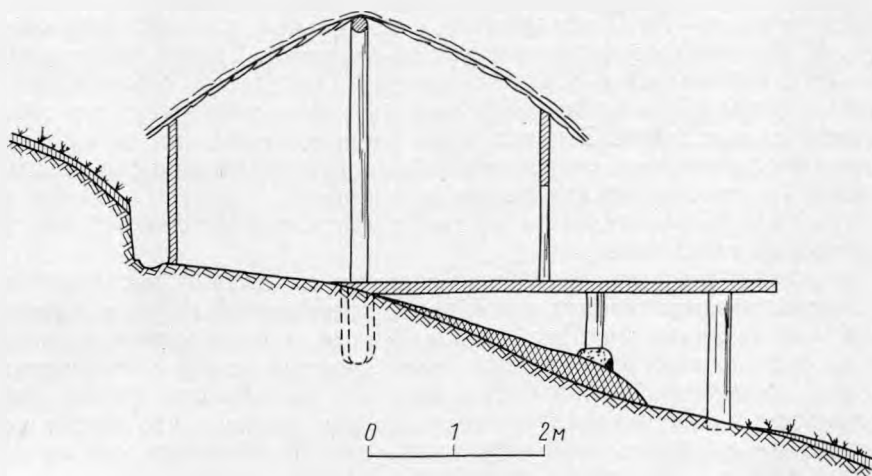

Рис. 3. Реконструкция дома первого этапа на тамбо № 4

Реконструкция сооружений на тамбо № 4. Хорошо известно, что в доиспанской Колумбии тамбо служили основанием домов, которые имели чаще всего округлую форму. Это находит подтверждение и в археологических материалах. Круглые дома обнаружены, например, при раскопках в Сан-Агустине¹². Л. Дуке Гомесом и Х. С. Кубильосом при этом были прослежены темные полосы, кольцом или полукольцом идущие вокруг жилища. Исследователи интерпретируют их как следы органических отходов, выбрасывавшихся за его пределы. Эти темные полосы очень напоминают пятна заполнения канавки на площадке тамбо № 4 Кабо-де-ла-Вела, что подтвердил и Х. С. Кубильос при посещении раскопа. Можно предполагать, что канавка ограничивала с запада площадь дома, стоявшего на тамбо (рис. 2).

Две большие и глубокие ямы (№ 4 и 5) на длинной оси площадки предназначались скорее всего для столбов, достаточно мощных, чтобы поддерживать крышу дома. Их расположение определенно говорит о том, что на них покоился конек двускатной крыши. Канавка при этом слу-

¹² Duque Gomez L., Cubillos J. C. Arqueología de San Agustín. La Estación//Publicaciones de la Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. Bogotá, 1981. № 9. P. 51—63; Llanos Vargas H., Duran de Gómez A. Asentamientos prehispánicos de Quincana, San Agustín//Publicaciones de la Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. Bogotá, 1983. № 20. P. 41—44.

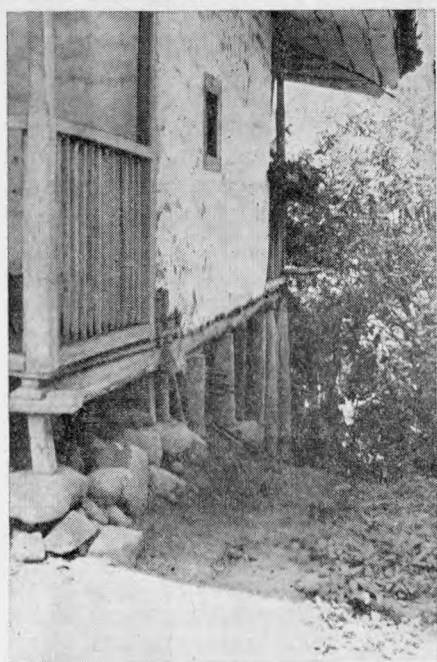

Рис. 4. Дом на столбах, компенсирующих склон, в окрестностях Кабо де ла Вела.

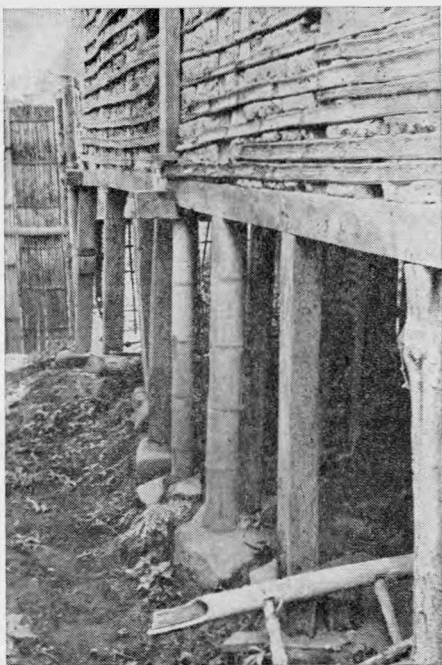

Рис. 5. Столбы в основании дома, опирающиеся на плоские камни. Окрестности Кабо да ла Вела.

жила для отвода дождевой воды из-за задней, западной стены дома. Если это так, то расстояние между линией, соединяющей столбовые ямы, и канавкой у западной стены тамбо — 2,2 м — должно представлять собой половину ширины дома. Следовательно, его полная ширина должна быть около 4,5 м.

Однако при такой ширине восточная сторона реконструируемого дома выходит за пределы площадки тамбо и «повисает» над склоном. Это заставляет предполагать существование горизонтальной деревянной платформы, одной стороной опирающейся на край площадки, а другой покоившейся на столбах (рис. 3). Столбовые ямы № 13, 14, 15, расположенные в ряд параллельно оси площадки, по-видимому, подтверждают наше предположение. Возможно, что и ямы № 10 и 12 имели отношение к основанию платформы, хотя столь же возможно и их хозяйственное использование под ней.

Предлагаемая реконструкция имеет этнографические параллели среди современных построек беднейших семей в окрестностях Кабо-де-ла-Вела, хотя сейчас гораздо чаще встречается выравнивание и подсыпка склона под всю площадь дома, что, конечно, требует больших затрат. Тем не менее нами зафиксированы и дома, одна сторона которых опирается на столбы, компенсирующие перепад высоты на склоне (рис. 4). При этом очень часто столбы, особенно крупные, не заглубляются в землю, а опираются на большие плоские камни, подложенные под них (рис. 5). Люди, живущие в таких домах, говорили нам, что они обладают особой устойчивостью во время нередких в этом районе землетрясений. У стороны дома, обращенной к склону, встречается неглубокая водоотводная канавка (рис. 6).

Реконструкция, предложенная выше, относится к дому первого этапа застройки тамбо № 4. Нам представляется, что за время существования этой постройки и ее разрушения и накопилась основная толща слоя черной земли, которая наносилась под платформу с дождевой водой. Возможно, существованием платформы можно объяснить и тот факт, что в нижних горизонтах этого слоя в этом месте значительно меньше обломков керамики, чем в верхних.

Рис. 6. Канавка у обращенной к склону стены дома в окрестностях Кабо да ла Вела

В какой-то момент дом первого этапа разрушился. Это доказывается наличием на площадке тамбо ряда «бобовидных» ям и прямоугольной ямы № 3, пересекших канавку. Яма № 7 пересекла и предполагаемую линию южной стены дома. На втором этапе застройка площадки, видимо, кардинально меняется (рис. 7). Даже стенка тамбо претерпела изменение. В ее северо-западном углу была вырезана специальная треугольная ниша для установки углового столба.

Линия ряда «бобовидных» ям заметно отклоняется к западу от продольной оси площадки. Больше других отклоняется в этом направлении северный конец самой крупной из них ямы № 1, занимающей центральное место на площадке. Если проследить линию отклонения дальше, то она попадает как раз в северо-западный угол тамбо, проходя при этом и через яму № 9. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение о том, что на втором этапе существования тамбо

№ 4 под постройку была использована только юго-западная часть площадки, возможно, отгороженная какой-то легкой стенкой, шедшей вдоль линии от столба в северо-западном углу, через яму № 1 к яме № 6 южной части тамбо. Яма № 3 не входила в это сооружение. Может быть, именно с этой постройкой были связаны три небольшие ямки от кольев, прорезавшие западный край канавки у стенки тамбо.

Мы не имеем возможности точно датировать эту перестройку, так как керамика из ям второго этапа малочисленна и не имеет существенных отличий от более раннего материала. Однако одно наблюдение позволяет предположить ее стратиграфическую датировку. Яма от углового столба в северо-западном углу тамбо прослежена с поверхности черного слоя, что определяет время его установки. А если наше предположение о его конструктивной связи с «бобовидными» ямами правильно, то можно предположить и время сооружения всей постройки.

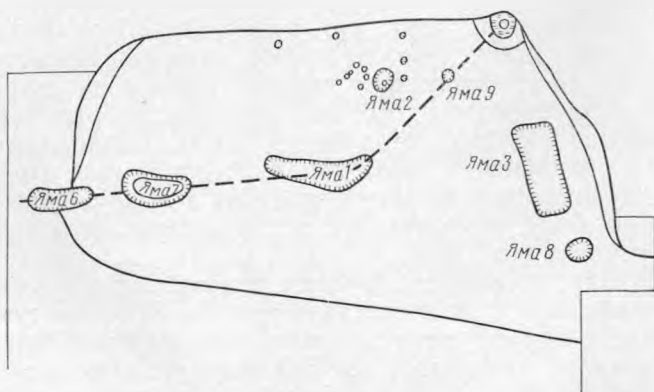

Рис. 7. Реконструкция плана сооружения II этапа на тамбо № 4

Вполне вероятно в этой связи, что коричневатый слой, залегающий над черным, связан именно с концом первого этапа жизни на тамбо, а включения материковой глины в нем — с выкидом из ям второго этапа на площадке. Если это так, то на втором этапе не существовало деревянной платформы, в которой и не было надобности, так как вся постройка этого времени умещалась на площадке.

При такой реконструкции постройка второго этапа должна была носить не жилой, а хозяйственный характер и принадлежать обитателям другого тамбо, скорее всего тамбо № 3, расположенного ниже по склону, в непосредственной близости от тамбо № 4. Однако все вышесказанное о реконструкции построек на тамбо № 4, особенно на втором этапе его застройки, является не более чем гипотезой, которая тем не менее наиболее логично объясняет факты, выявленные в ходе раскопок.

Материал, найденный на тамбо № 4, нельзя распределить по двум четким группам. Он относится к культуре Сонсо, распространенной в Западной Кордильере в XIII—XVI вв. Она продолжала существовать здесь и после испанского завоевания¹³. Поэтому вполне закономерно сопоставлять археологические данные с приведенной нами в начале статьи информацией хроник. Такое сопоставление показывает, что эти два вида источников, при всей фрагментарности первых и отрывочности вторых, неплохо согласуются и дополняют друг друга.

Предложенная реконструкция жилища первого этапа застройки тамбо № 4 подтверждает и уже упоминавшееся предположение К. Ромоли о том, что «дома на деревьях», которые упоминаются в письменных источниках, в реальности — дома, стоящие на столбах. Но если колумбийская исследовательница имела в виду только «барбакоа» на тихоокеанском побережье, где свайные основания жилищ служили прежде всего защитой от воды, то в Кабо-де-ла-Вела опорные столбы платформы компенсировали крутизну склона, т. е. представляли собой приспособление к совершенно другой среде обитания. Видимо, именно об этой конструкции говорится у П. Сьесы де Леона, когда он описывает дома населения горных районов запада Колумбии.

¹³ Bray W., Moseley M. E. Archaeological Sequence from the Vicinity of Buga, Colombia//Nawpa Pacha, 7—8. Berkeley, 1968—1970. P. 89—94; Bray W. Pro-Calima. Archäologisch-ethnologisches Projekt im Westlichen Kolumbien//Südamerika, 1/1980. Basel, 1980. P. 2—3; Bray W., Herrera L., Schrimpf M. Pro Calima. Archäologisch-Ethnologisches Projekt im Westlichen Kolumbien//Südamerika, 2/1981. Basel, 1981. P. 2, 17.

Т. А. Воронина

ЗАБЫТЫЙ ПЛАКАТ-ЛУБОК О Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ

Стараниями нескольких поколений исследователей создана прочная основа для дальнейшей разработки научной биографии Н. Н. Миклухо-Маклая, углубленного изучения его научного наследия, для поисков ответа на ряд вопросов, связанных с жизнью и деятельностью ученого.

В последнее время в связи с подготовкой нового академического издания собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая появился ряд работ, которые вносят значительные дополнения к характеристике его многогранной деятельности, а также существенно уточняют отдельные факты биографии ученого и, таким образом, дают возможность по-новому осмыслить его вклад в науку, особенно в антропологию и этнографию¹. Но

¹ См., например: Тумаркин Д. Д. Папуасский Союз (из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвиней)//Расы и народы. 7. М., 1977; его же. Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей//Расы